

18+

МАРИТА МОВИНА-МАЙОРОВА

Ах, эта проза Жизни!

Марита Мовина-Майорова Ах, эта проза Жизни!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47423277

ISBN 9785449666697

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «...Дура, – подумала она, – такая же дура. Ничуть не лучше него». И она в который уже раз осознала, что свою семейную и, в принципе – счастливую жизнь – он и она – вместе, на пару зарыли в глубоком котловане того дома. Они замуровали её, эту жизнь, в каждую складку той цементной кладки, в каждый залитый ими шлакоблок. «Два дурака, – подумала она. – Два дурака...» «АХ, ЭТА ПРОЗА ЖИЗНИ!» – второй сборник рассказов в серии «ПОГОВОРИМ?...» Первый сборник «О, ЭТА ПРОЗА ЖИЗНИ!» издан и опубликован в 2018.

Содержание

ПРИВИВКА ОТ ЗВЁЗДНОСТИ. От первого лица...	7
Любовный гороскоп? (Рождественская история)	7
История Баси	35
Посмеёмся вместе, или Прививка от звёздности	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ах, эта проза Жизни!

Марита Мовина-Майорова

«АХ, ЭТА ПРОЗА ЖИЗНИ!» – второй сборник рассказов, вошедших в серию «ПОГОВОРИМ?..»

Первый сборник – «О, ЭТА ПРОЗА ЖИЗНИ!» – изначально был представлен на Московской Международной Книжной выставке-ярмарке в сентябре 2018 года и сразу стал хитом продаж (по версии издательства Ridero). Затем была Международная ярмарка интеллектуальной литературы non/fiction №20 (ноябрь – декабрь 2018, Москва), где сборник также пользовался успехом и получил заслуженное признание.

Иллюстратор М. Мовина-Майорова

Редактор Б. Майоров

Дизайнер обложки Рисунок для обложки выполнен автором сборника Маритой Мовиной-Майоровой.

© Марита Мовина-Майорова, 2021

© М. Мовина-Майорова, иллюстрации, 2021

© Рисунок для обложки выполнен автором сборника Маритой Мовиной-Майоровой., дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4496-6669-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРИВИВКА ОТ ЗВЁЗДНОСТИ.

От первого лица...

Любовный гороскоп? (Рождественская история)

«Небу-у-дъ такой своево-о-о-ольной... Небу-у-удъ... Небу-у-дъ такой незави-и-и-симой... Небу-у-дъ... Небу-у-дъ такой любозна-а-ательной... Небу... Пропадё-ё-ё-шь... Оставайся на ме-е-сте... Нестреми-и-ись... Смири-и-и-сь... Судьба-а-а-а... Пропадё-ё-ё-шь... Пропадё-ё-ё-шь...»

Шипение и угрожающие голоса в этом шипении сливались в один устрашающий, протяжный и шершавый, сухой свист. Он и усыплял, и пробивал нервной дрожью все точки моего тела, делая это «усыпление» – и пробуждением, и одновременно – погружением в... глубины АДА! Да! Именно Тёмного холодного Ада.

Но я не хотела туда!!! Именно сейчас, именно в этот момент своей жизни, я не-хо-те-ла-ту-да! Чуть раньше... может быть... или – чуть позже... возможно.

Но не сейчас!

А шёпот-шипение, ставший участливо-вкрадчивым, продолжался:

«Пропадё-ё-ё-шь... Но мы помо-о-жем тебе. Мы – твои друзья-я. Только забудь себя-я-я. Отверни-и-и-сь... от... себя... Оста-а-а-вь...»

Мне стоило большого труда разомкнуть одеревеневшие от жестокого холода губы моего лица, холода, сковавшего их и превратившего в ненужные жёсткие скобки, сквозь которые я только и могла пока дышать. Потому что ноздри носа моего лица тоже слиплись от холода, и нос ощущался мной только как кусок оледеневшей плоти. И больно саднил.

Но всё же я справилась, насильственно разомкнув губы, и глубоко вздохнула, и в это же мгновение глаза моего лица открылись...

Надо мной склонились три... старухи.

Какие же они были страшные!

Лица – одно в одно – как у тройняшек, и одинаково ужасны: по-кощеевски вытянутые и худые – не лица – почти черепа; под абсолютно белыми, словно нарисованными жирной широкой кистью бровями, выделяющимися на высушенной исжелто-коричневой коже и выступающе-нависающими над остальной частью их лиц – ввалившиеся глазницы, из глубины которых пронзительно глядят маленькие глазки, злоеще сверкая чёрными зрачками; носы – крючковатые, неимоверно длинные, хищно зависшие над почти совсем беззубыми, разинутыми в ехидной улыбке ртами с одним-един-

ственным, белым-белым, огромным торчащим вперёд клыком (у двоих – сверху, у одной – снизу); тощие подбородки, длинные и загнутые кверху, выдающиеся далеко вперёд в виде выдолбленной из коричневого дерева ладьи, спорящие в своей длине и огромности с самим носом! одежды – рваная мешковина, из-под которой торчат босые, грязные, с потрескавшейся кожей, коричневые ступни; сами одежды подпоясаны кручёной потрёпанной пеньковой верёвкой, за которую у каждой заткнуто сухое помело на длинной палке, глядя на которое понимаешь, что эти старухи – ведьмы, и что они только что прилетели и снова вот-вот улетят, унося с собой и тебя!..

Глаза моего лица сами по себе закрылись, и губы перестали жить, не вдыхая воздух и не возвращая его вовне.

Я услышала скрип – так засмеялись старухи.

И снова в уши мне поползли усыпляющие и одновременно устрашающие фразы: с-с-с-с-с-сь..! ш-ш-ш-ш-ш-ш..! Сами по себе эти фразы не были страшными – подумаешь! – «не будь такой своевольной! не стремись! пропадёшь!» Но интонация! Интонация этих фраз! Это было предупреждение. И оно устрашало!

Фразы ползли и ползли, внедряясь в сознание, и с каждым мгновением я всё больше ощущала холод, всё сильнее деревенели губы, всё невыносимей становилась боль в том месте, где вместо носа у меня была оледеневшая плоть.

В этот момент я совершенно явственно услышала их хи-

хиканье:

«Сдала-а-ась! Хи-хи! Отрекла-а-ась... от себя! Хи-хи-хи! На-а-а-ша теперь он-а-а. Тёпленькую возьмё-ё-м!»

И я вдруг осознала, что если сию же минуту не сброшу с себя это... видение?... то непременно погибну! Просто умру!

И я решилась!

– Да пошли вы! – закричала я во весь голос. – Тени! Прошлого тени вы! Я вас не боюсь! И вы мне не друзья! И я не оставлю вам себя!

Она проснулась среди ночи, как это часто бывало в последнее время.

Ей некуда было торопиться и спешить утром, ей не надо было бежать на работу. Ей не надо было соблюдать режим дня и ночи, ей не надо было больше подчиняться общепринятому. Потому что она так захотела жить, и так жила. Она могла спать или не спать ночью, и спать или не спать днем. Она могла размышлять о чем хотела по ночам, а днём – не размышлять, а бездумно смотреть телевизор. Она могла решить с вечера, что на следующий день будет делать то-то и то-то, а утром проснуться и решить, что этого она сегодня делать не будет, или не будет делать сегодня вообще ничего. А после обеда снова решить, что все-таки сделает то, что решила сделать вчера – и сделать это.

Она могла отключить телефон на целый день, или даже на несколько дней, и заниматься только вязанием или чтением. Или писать стихи. Или слушать музыку. Потом включить телефон и обзвонить всех своих знакомых и друзей. Всех. За один раз.

Она могла ездить несколько дней подряд гулять в парк или центр города. А потом неделю не выходить из дома, даже если в холодильнике уже было пусто.

Словом, она жила так, как хотела – каждый конкретный момент времени. И вся эта такая «бесплановая» ее жизнь, как это ни странно, поступательно и верно двигала ее в направлении того будущего, которое она хотела иметь и сейчас создавала себе. Именно таким образом. Это был невидимый для постороннего глаза процесс. Но для посвященных он был видим и понятен.

...И вот она проснулась среди ночи и начала вспоминать, как теперь уже – вчера – днем, ездила на книжный рынок, как писала на почте поздравительные новогодние открытки, потом ходила по магазинам, разглядывая игрушечных обезьян... У нее в детстве не было больших мягких игрушек. Кроме небольшого плюшевого медвежонка.

«Пусть такая игрушка будет у меня сейчас, – решила она, – и это будет именно обезьяна».

Вот и поехала её искать.

Толпы снующих в поисках подарков людей. Горы всякой всячины в витринах магазинов. Но за всем этим видимым

многообразием не было никакого разнообразия – как будто все эти магазины и отделы магазинов снабжались одним единственным складом. Даже игрушечные обезьяны везде были практически одинаковыми. Она знала, какую хотела найти для себя. Но именно такую, вчера не нашла.

«Вчера не нашла, зато сегодня обязательно найду, – подумала она. – Сидит где-нибудь на прилавке моя Обезьяна и ждёт меня. Никак невозможно обмануть её ожидания!»

А наступающий новый год будет годом именно Голубой (Зелёной) Обезьяны – об этом она узнала на том же книжном рынке. Зеленая Обезьяна...

«Пусть будет Зелёная... Голубая...»

Она расслаблено улыбнулась и снова уснула...

...Надо мной звёздное небо.

Такое звёздное, что даже луна на нём, по-видимому, с трудом отвоевала себе местечко, поскольку от неё осталась только малюсенький тонюсенький жёлтенький – тёпленький – серпик. А звёзды сияют серебристо и холодно, как лампа дневного – холодного – света.

Но странно – мне уже не холодно, как в том, первом сне. Как раз наоборот – по телу разливается приятное тепло, отчего тело совсем расслабляется, нос дышит – как ему и положено, а губы! губы – я чувствую это – губы расплываются в блаженной улыбке!

...Послышался звук арфы, и в этом звуке я «увидела» тонкие нежные пальчики, перебирающие её струны.

«Как хорошо-о-о. Как мило. Мне тепло. И эта музыка...»

*И мне захотелось открыть глаза. И я открыла их. Это были уже мои глаза, а не глаза моего лица. И я улыбалась своими губами, а не губами своего лица. И нос! нос был тёп-
лый! это был мой нос, а не нос моего лица, и он вдыхал воз-
дух и выдыхал его вовне.*

*Оказалось, что звёздное небо мне всего лишь привиделось. А на самом деле вокруг меня – нежно-голубое, дневное небо, и по нему – надо мной, вокруг меня и даже подо мной – плы-
вут белые, маленькие и побольше – облака. Лёгкие. Воздуш-
ные. Радостные. А на этих облаках сидят, свесив с них ма-
ленькие ножки с розовыми пяточками и ухоженными ногот-
ками, поблескивающими разноцветным лаком – милые девы. И улыбаются мне. И кивают мне изящными головками, по-
хожими на головки нежных цветков. Все в белых и воздуш-
ных, как и облака, на которых они сидят – одеждах.*

*Одна из них, та, что сидит на облаке чуть в отдале-
нии, тоже в белых одеждах. Но одежды эти не воздуш-
ные, а струятся по её телу в виде лёгких потоков воды. У неё слегка тёмные – платиновые – волосы. Чуть при-
подняв и наклонив, она держит в руках глиняную амфору. Из амфоры голубоватым, почти невесомым потоком льёт-
ся вода. И дева, опустив глаза, с улыбкой наблюдает, как
вода, выливаясь из амфоры, струится вниз... вниз... на об-*

лака, образуя там совсем прозрачное, почти эфирное, водное пространство...

Кого она мне напоминает?..

А почти рядом со мной, на более плотном, похожем на круто взбитый венчиком сливочный крем, почти в таких же бело-кремовых одеждах, сидит очень серьёзная дева. За ней стоят и сидят, и, чуть приподнявшись в воздухе, парят, тоже без улыбок на лицах, другие девы. Одна из них, с бледно-коралловым шлейфом за спиной, воинственно подняла руку то ли предостерегая меня, то ли приветствуя, то ли призывая следовать за ней. А та, очень серьёзная дева, – главная – как я думаю, – вдруг плавно простирает ко мне гибкую, белоснежно-белокожую руку и словно вопрошает меня... или предлагает... перейти к разговору? Немедля.

Я в растерянности обвожу взглядом всё это небесное (я сразу поняла, что присутствую на небесных посиделках), пространство, и ища поддержки, обращаю свой взор к де-ве с амфорой, которая с первого взгляда показалась мне как будто бы знакомой. И та, словно услышав мою растерянность, и на мгновение оторвавшись от созерцания потоков голубой прозрачной воды и дымчато-эфирного водного пространства под ней, приподнимает свою милую головку с платиновыми волосами всю в блёстках голубых капелек воды в них, смотрит на меня, и улыбнувшись, беззвучно, но я слышу её! мелодично произносит: «Поговори... поговори с ними... о том... о сём... можешь о любви... они все – твой

Любовный Гороскоп... ..А впрочем, как хочешь – решай сама...»

Ах! И всё исчезло!

Итак, приближался Новый год. Год Обезьяны.

Сколько таких годов было в ее жизни? Два? Четыре? Да, четыре. И каждый из них привнес в ее жизнь такие изменения, которые стали краеугольным камнем ее судьбы. Эти годы стали поворотными в другую, совсем другую, хорошую ли, плохую ли – трудно судить – сторону. Но они поворачивали ее жизнь в определенном направлении, и с того момента эта жизнь начинала продолжаться, словно с нового листа.

И теперь приближался очередной такой год.

Год Голубой (Зелёной) Обезьяны.

«Поговори. Поговори с нами. Мы же – твой Любовный Гороскоп! Не пренебрегай нами. Мы мно-о-о-гое можем объяснить тебе!»

Милые Девы снова кивали мне изящными головками, похожими на головки цветков. Только теперь у каждой из них волосы были уложены в виде знаков зодиака – у одной в виде загнутых рогов, у другой, как корона – как с растопыренными клешнями венчал причёску, у третьей надо лбом по-

драгивал громадный чёрный хвост скорпиона из заплетённых в тугую косу волос, у четвёртой – пышные рыжие волосы украшали скрещенные на затылке золотые стрелы, у пятой... у шестой... И только Дева, что показалась мне знакомой, та – с платиновыми волосами и блестящими жемчужинками капелек воды в них, и что сидела на облаке чуть в отдалении – не изменилась: она всё также, с лёгкой улыбкой, продолжала лить из амфоры прозрачно-голубую воду в эфирное пространство, и другая, строгая Дева, по-прежнему простирала ко мне плавно изогнутую руку, призывая?.. вызывая?.. на разговор?

...Тихая музыка арфы...

Я тоже улыбнулась, как Дева с арфой, а затем тоже – без улыбки – как строгая Дева, – и обещающе кивнула им всем:

«Мы ещё обязательно поговорим с вами – о том... о сём... и о любви?.. тоже – поговорим... И, милые Девы! Я благодарна вам. А пока... Пока... Ах, милые Девы... милые Девы... ваши советы наверняка очень-очень кому-то нужны... Может быть... Наверно... Ну, а я... Я постараюсь справиться сама. Прощайте же... Про-щай-те-е...»

...

1.

Когда-то на заре своей сегодняшней жизни, такой непохожей ни на чью другую в среде ее сверстников и сверстниц, в середине девяностых двадцатого века, она увлеклась астрологией. Много чего было прочитано ею тогда. Эта литература только-только появилась в России. И люди маниакально стали увлекаться гороскопами и тому подобной... как бы так помягче выразиться? Нет-нет, она не покушалась на святая святых – право человека верить в то, во что он решил верить, или в то, во что стало принято (модно) верить. Только вот как сказал бы её хороший знакомый, почти Друг – ходить к астрологу и составлять гороскопы – это то же самое, как если бы заглядывать в свою же собственную записную

книжку: ты же сам записал в неё что-то, а потом, подзабыв или совсем забыв, смотришь туда, чтобы вспомнить. Но ведь находишь то, что *сам* туда когда-то записал!

Проще говоря, человек как бессмертный дух, запланировал себе определенную судьбу, соотнеся ее с определенным положением планет и звезд. Ради Игры. И забыл. Конечно! Ведь это было... когда он был Дух. А теперь он, как простой смертный, приходит к астрологу и говорит: «Помоги мне, о Всемогуший! заглянуть в мою „записную книжку“ – чего это я там понаписал для себя?» Короче, он и пинкод к своей «записной книжке» забыл. Или потерял? Или себя потерял, если ищет ответ в звездах на небе?

...Так вот, поначалу она тоже решила найти себя в звездах. Только ходить к астрологам не стала – решила сама всю эту литературу осилить. И стала читать все подряд. И вопрос! Вопрос, который больше всего волновал её, как, впрочем, волнует и многих, если не сказать – всех женщин (возможно, и мужчин – с полной уверенностью невозможно сказать), – это конечно же, вопрос, а уж если к звездам обращаться – так это уж точно он: *вторая половинка* – Ах! Ах! Любовный гороскоп! Это название просто притягивает к себе! Скажете – нет? Женщин – определенно. Даже, наверное, феминисток.

А она таковой явно не была.

Ну не смогла она устоять перед таким названием – «Любовный гороскоп»!

«Вот, – подумала она, – здесь я найду объяснение своих ошибок, просчетов в замужней жизни, смогу в точности определить, как же теперь найти Его и – главное – какого искать; я найду здесь то, что поможет мне в дальнейшем предугадывать свою любовную судьбу и управлять ею».

Здорово!

Если честно – интересно все это было ей читать. Совершенно новое знание входило в ее жизнь! Оказывается, и так можно относиться к жизни! А она-то, прожив столько лет, наивно считала, что во всем надо полагаться только на себя! А поди ж ты – есть подсказки! Так все здорово изложено, по полочкам разложено, с объяснениями и рекомендациями! Да еще есть и варианты всякие – то есть и звезды-то, значит, не утверждают, а только расклад для тебя делают.

Словом, увлеклась она всем этим не на шутку.

И была в ее жизни еще одна вещь, одна «страшная» тайна, которую она хотела разгадать. Тайна эта, впрочем, особой тайной ни для ее мужа (теперь уже бывшего), ни для матери, ни для близких друзей таковой не являлась. А «страшной» она называла ее потому, что в течение двадцати пяти лет не могла ответить себе на один вопрос: почему я его так люблю? да и любовь ли это? почему сохну по нему всю жизнь? почему мое сердце так привязано к нему? почему столько страданий приносит мне то, что мы не вместе, а быть с ним – не могу... не смогла.

Этот вопрос без ответа так и жег ее сердце, так и сидел за-

нозой там. И вылечиться от этой «болезни» не помогало ни длительное нахождение в счастливом браке, ни наличие любимых детей, ни частые переезды из города в город, из страны в страну. ... Ни видимая лояльность ее супруга к этому ее «заболеванию».

Открыв же довольно толстенькую книжку в мягкой, темно-синей, изображающей звездное небо обложке, да еще и с причудливыми символами знаков зодиака на ней в виде прекрасных дев для расчета любви по звездам – она поняла, что в ней – ответ.

И она его действительно нашла.

Но не в той книжке. И не сразу.

Но именно с той книжки она начала свой поиск, как оказалось впоследствии, обратной дороги к себе.

... Один мудрый человек как-то сказал, что все в этой жизни имеет свое единственное начало, все в жизни происходит только один раз. И это – подлинный момент начала чего-то. Затем возможны изменения и развитие этого и иногда, наконец, и завершение. Но дальше в жизни идут только одни повторения того, первого. Это как копии с подлинника.

Так вот все ее последующие «любви» и влюбленности, конечно же, были лишь копиями, и совсем, может, и не плохими копиями. А иногда – даже и более экспрессивными – то есть нарисованными ею при помощи более ярких даже

красок, чем подлинник. Но все равно – то были лишь копии, жалкие копии первой ее влюбленности и первой ее любви.

Должно было пройти тридцать шесть лет, чтобы она, наконец, поняла это. И успокоилась. По поводу «найти свою вторую половинку»: была уже в ее жизни эта половинка. Была.

Но эта подсказка пришла к ней не из гороскопа.

«...Интересно, что это за чувство – любовь?»

Наверно, это что-то очень большое, такое большое, что может поднять к самому небу, к самому солнцу. И ты паришь, паришь и тебе так хорошо, что даже сказать об этом кому-нибудь страшно.

И в то же время, это чувство, наверное, почти невесомое, все как будто бы происходит само по себе, и ты только исполнитель.

Хорошо, если оно придет лет в двадцать. Но до двадцати надо дожить и сохранить в себе чистоту. Я не говорю о том, что надо не смотреть на мальчишек, не танцевать современные танцы, не смеяться громко. Нет! Главное, чтобы ты сама в себе ощущала какую-то силу, которая еще не утрачена. Это, по-моему, и есть чистота».

(Из дневника Миры. 13 октября 1968 года).

«...Из всех моих любовников, он был самым...»

Ей не захотелось обидеть его, но это открытие привело ее

в... замешательство. Она была потрясена. Она была настолько потрясена этой мыслью и этим открытием, что еще раз, заново, «посмотрела» на их физические взаимоотношения.

«Да, даже муж... Не говоря уже об остальных моих мужчинах».

Она была в шоке!

«Так, давай посмотрим еще раз, – сказала она сама себе, – ведь этого не может быть».

Она мысленно еще раз «посмотрела» на их любовные встречи, которых, на самом деле, было не так уж и много. Всего шесть или семь за все эти долгие годы.

«Да, явно он был... Тогда... почему так страдала по нему? И почему не могла устоять перед физической близостью с ним?»

Она задумалась снова, погружаясь все глубже и глубже в эмоциональный настрой их взаимоотношений. И по мере того, как она делала это, сердце ее все больше и больше, все сильнее и сильнее начинало дрожать той самой болезненной дрожью, которая заставляла ее все эти десятилетия хотеть его, мечтать о нем и страдать по нему. Щеки ее начали гореть снова, руки похолодели, и ее снова начала «бить» та самая едкая дрожь желания.

Но... это были совсем не *её* муки желать его самого, или его... тела! О, ужас! Это были вибрации *его* желания иметь ее.

И этими его вибрациями она была пропитана насквозь.

Она состояла из него... из *его* вибраций!

Ах, это *его* желаниями она жила всю жизнь, это *его* желание иметь ее влекли ее к нему, это на *его* страстное желание обладать ею летела она всю свою предыдущую жизнь, как бабочка на огонь свечи.

Да, это было именно так! О!

Она испытала... настоящее разочарование! Нет! Не может быть!

И облегчение!

...но как зато, *он* хотел ее!

...и – как сладостно было лететь на этот огонь... – всю жизнь.

До Нового года, года Голубой Обезьяны, оставалось четыре дня.

2.

Я поняла, что выпалась: в уши лезли все звуки с улицы и из-за соседской стены.

Продолжая лежать на спине, я запрокинула голову назад и снизу вверх посмотрела на светящийся циферблат своих любимых бесшумных электронных часов. Они показывали: 10:35.

«Точно, выпалась, – подумала удовлетворенная, – ведь вчера, совершенно необычно и неожиданно для себя, я легла спать не в четыре, не в три, и даже не в два часа ночи, а в два-

дцать минут первого! И, конечно, к десяти тридцати должна была выспаться».

Я заулыбалась, снова прикрыв глаза – вставать все равно не хотелось.

Я заулыбалась оттого, что знала, что могу и не вставать. Вот не хочу и могу! Так я протестовала против привычного порядка вещей в этой вселенной. Я даже перестала ложиться спать «правильно» – головой к стенке. Я ложилась сейчас «головой вниз», как я это назвала: ногами – к стенке, а головой – к середине комнаты. Потому и на часы сейчас мне приходилось по утрам смотреть снизу вверх и задом наперед.

Мне так нравилось!

Внезапно я поняла, почему после новогодней ночи, просидев за праздничным столом и затем нагулявшись вдоволь по заснеженным улицам Сосновой поляны, я завалилась спать, не раздеваясь и не стеля постель, и почему я, спустя неделю после той ночи, все еще продолжаю ложиться спать одетая и по-прежнему, не разбирая постель: я неосознанно и здесь протестую против заведенного порядка вещей. Я представила себе состояние, когда вечером, после праведного рабочего дня стелю себе постель, раздеваюсь, надеваю ночную рубашку... Потом мысленно не стала стелить постель и надевать ночную рубашку... и ощутила СВОБОДУ.

Я «увидела», как, не придавая значения ритуалу отхода ко сну, продлеваю день... даже не день – ЖИЗНЬ! Жизнь

перестает делиться на день и ночь, и сон перестает быть чем-то особо важным и значимым в череде дней и ночей. Я «увидела», как жизнь, таким образом, течет и течет без перерыва, и движение времени для меня не останавливается, а все продолжается и продолжается.

«Очень интересно, – подумала я, – наверное, так и жили наши далекие предки. Такая жизнь очень похожа на постоянное бодрствование... Нужна ли сейчас человеку такая жизнь? Ведь экономится масса времени на всех этих введенных кем-то ритуалах».

И я поняла, что сейчас такую жизнь человек себе не может позволить – у него на такую жизнь сейчас просто не хватит физических сил. Его тело из-за уставшего разума, которому только одному и нужен «отдых» – бессознательность – не в состоянии жить без этого допинга – сна. А ведь что обычно говорят ребенку, не желающему раздеваться перед сном, или человеку, ложащемуся «отдохнуть» днем? Ему говорят:

– Разденься, пусть тело отдохнет.

Тело. Ха! Не тело, а уставший разум!

Да, когда-то рыцарю стоило снимать с себя десятикилограммовые доспехи! Но ведь теперь мы эти доспехи на теле не носим!

Мы не носим теперь доспехи на теле...

Это открытие, с которым каждый, ну просто каждый может поспорить и имеет на это полное право, так поразило

меня, что я тут же вспомнила о своем издателе, который давно уже подгонял меня с моим следующим «литературным изыском», как он называл мои творческие проявления в писательстве.

Я поняла, что немедленно, «по собственному желанию», должна прямо сейчас встать с постели и дописать новеллу. Иначе никакой свободы мне без денежного гонорара за нее, не видать.

Вот такая свобода в этой вселенной. С этим, думаю, никто спорить не станет. Хотя...

...могут быть и другие мнения...

«Векторное кольцо». «Роковая любовь». К чему это все относится? А все это относится к астрологии. К любовному гороскопу. К паре Хозяин – Слуга.

Вот что прочитала она в любовном гороскопе.

Ее слугой была Обезьяна.

Очень ненадежный слуга.

Вертялая, кривляющаяся, хитрая и ...умная. За таким слугой нужен глаз да глаз. Если такого слугу держать в узде, он принесет много пользы. Но стоит отпустить его на вольные хлеба – пиши -пропало твое благополучие. Это тебе не Собака-слуга: преданный, верный, готовый жизнь за тебя положить и, если ты покинешь его – годами, десятилетиями, веками ждать тебя, сидя у обочины дороги без сна и пищи.

Пока ни сдохнет.

Или Лошадь – будет работать для тебя, пока ни упадет, бездыханная.

Нет, не таким слугой была Обезьяна. В ее жизни, по крайней мере. Обезьяна – слуга «сам себе на уме». Для собственного благополучия. Она служит Хозяину, если вообще умеет служить, не для него, а для себя. И если Змея хочет, чтобы Обезьяна служила ей, надо тогда Змее все время держать ее под контролем. И... даже устрашать. Гипнотическим покачиванием и демонстрацией своего жала.

А зачем тогда такой слуга?.. Одна головная боль.

Да, преданности от Обезьяны вряд ли дождешься. Как и от Кота.

Эти двое живут только для себя...

...А если позволить такому слуге – хитрому и незнающему постоянства ни в чём – стать твоим хозяином?..

Похоже, в её жизни так и произошло.

Когда же она согласилась с этим? Ни тогда ли, когда позабыла пинкод к своей «записной книжке»?

... – Этот год – год Голубой Обезьяны. На столе обязательно должны быть фрукты, орехи, много фруктов и орехов, бананы. Чтобы Обезьяна в новом году была благосклонна к вам, следует накрыть стол так, как любит Обезьяна. Она должна быть довольна вами, и тогда этот год будет удачным для вас.

Голос из телевизора звучал очень серьезно. Рекомендации давала знаменитый астролог Доминика Затменная.

Мира услышала слова астрологини, ее серьезный и одновременно снисходительный, как у врача перед больными, голос, и почувствовала, как не вяжется он с ее, Мириным, внутренним мироощущением. И тут же подумала о том, как миллионы людей, слушающих сейчас астролога, мгновенно побегут в магазины за гостинцами для астрологической Обезьяны, и усмехнулась. У нее и самой даже поутру возникло прыткое желание сбегать на рынок орехов купить. Как же! А иначе не сложится новый год! Но когда позже, днем, стоя на остановке, она услышала разговор двух женщин, одна из которых говорила о том, что все орехи и фрукты раскупили в магазине рядом с ее домом, и что бананов уже не найти тридцатого декабря, ей стало совсем не смешно.

«Ну уж нет! Этого ты от меня не дождешься! – мысленно обращаясь к Обезьяне, проговорила она. – Еще чего – ублажать тебя! И вообще – хватит всех ублажать! В этом году ты у меня поработаешь! Поработаешь бесплатно, потому что Я так хочу».

Она засмеялась оттого, что на полном серьезе с веселым вызовом заговорила с этой мифической обезьяной, словно та была абсолютно реальной в ее жизни.

«Вот, что делает с людьми вера во всякую чепуху. Обезьяны, Козы, Рыбы... Драконы! Каким только хламом ни набита человеческая голова! От чего только ни хочет человек

зависеть! Постоянная ориентация на чужие ценности, придуманные, к тому же, неизвестно кем и когда. И для чего... Может, так человеку веселее и счастливее жить?.. Станный способ достижения счастья».

Но продолжая думать так, она все же чувствовала, что в этом во всем астрологическом «салате» есть для людей какой-то притягательный смысл. Кому-то, кстати, для возможности реализовывать свое желание ублажать, кому-то – для реализации желания подчинять.

Может, эти астрологические животные нужны человеку, чтобы выбирать для себя способ собственного поведения для достижения желаемого? Знаешь, кто перед тобой стоит – знаешь, как себя с ним вести...

«Нет, – подумала она, – все-таки, похоже, человек больше хочет подчиняться чему-то непостижимому для него, мистическому. Потому же он хочет иметь и всесильного невидимого Хозяина в глобальном масштабе, чтобы тот определял правильность или *не*-правильность проживаемой человеком жизни. Сам человек давно уже сбился со своего „звездного“ пути и ему нужен подсказчик. И он хочет иметь для себя ориентир, который задавал бы направление вектора его жизни. В каждом последующем году. Человек ослеп...»

Мира взглянула на экран телевизора.

Оттуда смотрела на нее все та же Доминика Затменная и уверенно-серьезно, можно сказать – даже как-то внушающе, рассказывала о влиянии Зеленой Обезьяны на Рыб, Ра-

ков, Козерогов, Тельцов, Скорпионов и даже Львов.

И Водолеев.

И Мира поняла, что, наконец, стала сильнее своего Слуги.

Потому что она – Хозяин.

Хозяин своей жизни... И больше ей не нужно никакое «векторное кольцо».

Еще год назад она мечтала о том, чтобы кто-то пришел в ее жизнь и изменил ее. Она вспомнила, как тогда ощущала себя птицей, попавшей в ловушку и не умеющей выбраться из нее без посторонней помощи.

Нет, сейчас ей уже не нужен был кто-то, кто пришел бы и открыл окно, чтобы выпустить ее, птицу, попавшую в плен – на волю. Она поняла – ей самой надо было сделать это. И она уже сделала это. В уходящем году.

Да, теперь она знала, что всегда могла сделать это сама.

Она даже могла не попадать и в ловушку. Тогда. Она могла.

Теперь она знает это.

Так начинался для нее Новый, её пятый год Обезьяны.
С Новым Годом!

3.

Я с удовольствием потянулась. Запрокинула голову и снизу вверх, задом наперед посмотрела на окно. Там, за окном,

занавешенным причудливой прозрачной занавеской, сияло декабрьское, яркое-яркое, но холодное-холодное еще солнце. Снизу мне было видно и синее, нет – ярко-голубое, зимнее небо без единого облачка, тонкие голые ветки ярко-белых в черную крапинку березок и, блестящие от потоков солнечного света, окна домов напротив.

«Хорошо-то как. Солнце. Небо. Жизнь. Сейчас встану, пойду на кухню. Сделаю себе ароматного черного кофе с топленым молоком... Нет, сначала – киви, тоненькими пластиночками веером на тарелочке, посыпанные сахарком, сверху веерочек яблочек, и по ним – узорчатый слой белой сметанной помадки. Хрустящие подушечки из пшеничных отрубей с корицей и клюквой. А уж потом – кофе с молоком и с маковыми и изюмными сухариками. Полный кайф!»

Я засмеялась почти вслух над собой – так живо и натурально нарисовала себе всю эту картинку: тут же почувствовала и вкус яблок, и киви с сахарком, и хруст таящих во рту подушечек из отрубей... легко вдохнула аромат дымящегося черного кофе.

Нелепо и смешно мне было наблюдать за собственными желаниями – желаниями моего тела.

«Надо же, до чего я дошла – есть не хочу, одно удовольствие получать хочу».

Я подумала так и поняла, что и в самом деле, есть давно уже не хочу ради «поесть», а вот получить удовольствие... это совсем другое дело. Я слышала саму себя,

каким тоном произнесла эту последнюю фразу и осознала вдруг, что это голос и интонация моего сына, который очень хорошо пересказывал в детстве, да и сейчас мог это сделать, мультфильм про медвежат, подражая интонациям героя, и особенно – эту самую фразу:

– Ну, если бу-у-угэый... тогда совсем другое дело.

Он всегда это делал с удовольствием и сам при этом весело смеялся: сразу было видно, как ему нравятся герои этого мультфильма.

Я тоже засмеялась, теперь уже вслух и громко. Сколько замечательного всего было в моей жизни. Дети, семья, любимая работа. Дорогие сердцу друзья. Музыка. Песни за столом. Стихи. Любовь. Да, много любви. Рыцари – мальчики, парни и мужчины. И задушевные подруги-девочки, девушки, женщины. Сколько успехов и побед! И все это уже позади. И не жаль.

А сейчас идет совершенно другая её жизнь. Такая интересная и наполненная! Внутренними желаниями, поиском. Победами и... не победами, но не поражениями. И снова поиском, и снова... Да.

Повторять прошлое она совсем не хотела. Даже в улучшенном варианте. Все должно быть новым, совсем новым, другим. И её сегодняшнее таково и есть. А поменялось что? Только она сама.

Вспомнился сон. Смешно. Какие-то старухи. Девы. Гороскопы.

«Да, всё правильно – изменилась только я сама. Вот такие вот дела, Мира Владимировна. ...Да, такие вот дела... Ну, вставай же, лежебока, вставай. Иди, получай удовольствие!»

И она легко встала и пошла на кухню, и сделала так, как хотела: киви, яблоки, кофе, молоко. Удовольствие.

А за окном сияло холодное, но от этого совсем не менее желанное, солнечное солнце, ярко-белые в черную крапинку стволы берез раскачивали тонкими голыми ветками, напевая свою песенку, и окна домов напротив весело блестели стеклами.

Она сидела за своим любимым круглым столом, в комнате витал тонкий аромат яблок, киви и кофе, и всё в её мире было спокойно и желанно. Там был покой. Там жила Любовь. Большая любовь. И к себе. Тоже.

07 января 2003—07 января 2019

Санкт-Петербург.

История Баси

Не было ни грома – он уже отгремел, ни молний – они уже отсверкали.

Просто лил дождь.

Из серого, мрачным-мрачного неба, с гулким шумом – по кронам деревьев, и на асфальт – с искромётно лопающимися бульками изливались на всё сущее потоки воды. Дождь шёл ровненький-ровненький, не косой, и не с запахом, а шёл он строго перпендикулярно к поверхности земли, которая мгновенно на моих глазах взбухла от обилия влаги.

Ненастье налетело так внезапно, гром и молния возникли так сразу близко – прямо над головами прохожих, что никто из них не успел даже зонтик открыть или выбрать дерево пораскидистей, чтобы укрыться от мгновенно, вслед за прогремевшим громом и сверкнувшей молнией, хлынувшего грозного, бьющего наотмашь, но теплого июльского ливня.

Незадолго до этого, я, устав от своего цоканья по клавиатуре компьютера в попытке хотя бы что-то выудить из запасов творческого вдохновения, подошла к окну своей съёмной квартиры на втором этаже, и бездумно уставилась на пышную зелень кудрявой берёзки за окном, дабы глаза мои на ней отдохнули. Потом взгляд мой, так же бездумно, опустился на зелёную траву во дворе и оживился, то есть – я оживилась, – заметив чёрную, с лоснившейся на солнце

шерстью, дородную таксу. Именно дородную, потому что туловище у неё было и так приземистым из-за коротких, как у всех такс, ножек, но помимо этого – ещё и плотным, а проще говоря, хорошо упитанным: на фоне небольшой головки, увеличенная от хорошего питания средняя и задняя часть её туловища выглядели очень внушительно! Брюшко её почти касалось травы, чуть приминавшейся под смешными кривенькими (от природы!) её ножками. Такса вышагивала не торопясь, чуть переваливаясь, видимо, и привыкнув никуда не торопиться. Рядом с ней, так же неспешно, шла сухонькая пожилая женщина, изредка любовно, с ласковой улыбкой обращая свой взгляд на собачку. Они шли в одном темпе.

«В возрасте, наверно, собачка, – подумала я. – Однако! Ей бы похудеть не мешало, чтобы ходить легче было».

И в этот момент грянул гром. И сразу вслед за ним сверкнула молния.

«Совсем рядом гроза, – забыв о собачке и её хозяйке глобокомысленно констатировала я. – А ничего беды не предвещало. Ни ветра, ни угрюмости в небе даже не возникло до этого».

Мои мысли прервал очередной раскат грома, прямо в лицо мне сверкнула молния, я зажмурилась, успев заметить, как прохожий во дворе опрометью кинулся к ближайшей парадной.

«От греха подальше надо окно прикрыть и из розеток

штепселя повыдергать».

С этим я отошла от окна, которое, конечно, плотно прикрыла, и справившись с розетками, включила в комнате верхний свет – так сразу потемнело на улице. Но гроза, так же внезапно как прибыла, так же внезапно и убыла. Только дождь, теперь уже не неистовый, а шумный, но буднич- ный, правда, от этого не становившийся менее обильным, никак не унимался. Он перешёл в ту свою стадию, когда вот так вот обыденно и утомительно будет долго шелестеть по кронам деревьев и стокам уличных труб, изливаясь из них на поверхность земли нескончаемым потоком.

Я снова подошла к окну, чтобы открыть его и подышать озоном – внизу, под моей кучерявой берёзой, на зелёных вет- ках которой я успокаивала до грозы усталые мои глазоньки, сидела та самая дородная такса. Выглядела она... Я почув- ствовала, как на лице у меня расплывается улыбка – настоль- ко уморительным было это зрелище.

Толстая попа собачки плотно сидела на земле, кривень- кие (от природы!) лапки она удобно поместила перед собой, разведя в стороны, как это делают балерины, маленькую го- ловку спокойно расположила поверх всего этого устройства, и взгляд её был устремлён прямо перед собой, будто в голо- ве у неё рождались в этот момент сложные мыслительные процессы. Кажется, философские... Прямой дождь лупил по плотной кроне дерева, не дававшей пробиться его стру- ям под само дерево, кругом стояли огромные лужи, а такса

сидела себе преспокойненько и, словно размышляя (типа – у природы нет плохой погоды), дышала озоном. В это же самое время, напротив таксы, почти в луже, так как рядом с деревом не было сухого места, стояла её хозяйка – та самая пожилая сухонькая женщина – без зонта, и умоляюще, но по-прежнему ласково, смотрела на собачку. До меня, сквозь шум дождя, донеслись слова женщины – она побуждала собачку вместе с ней идти домой.

– Бася, – умоляла она таксу, – пойдём домой, детка. Смотри, дождь какой, а я без зонта и в домашних тапочках. Ну, пойдём домой, дорогая.

Такса никак не реагировала. Она продолжала философски взирать на бушующую природу, и невооруженным глазом было видно, что мольбы хозяйки её совсем не тревожат. Ни один мускул не вздрагивал на её лице, ни разу она не сморгнула, пропуская мимо ушей стенания хозяйки. Более того – такса продолжала, как бы сама с собой, умиротворённо и безучастно сидеть, плотно устроившись толстой попой на всё ещё сухом, несмотря на усиливающийся дождь, участке земли под деревом.

Мне сверху она напоминала маленькую пирамиду. На вершукке этой живой пирамиды помещалась изящная головка. Дальше, постепенно утолщаясь книзу, шло туловище с солидным животиком и подпиравшееся, как было сказано ранее – передними лапками, развёрнутыми чуть в стороны друг от друга, отчего вся эта картина становилась ещё ко-

мичнее, а в основании этой пирамиды помещалась толстая, распластавшаяся по земле попа с обрубочком хвоста – сбоку.

Чем закончилась вся эта история, не знаю, поскольку постояла я так у окна, с улыбкой глядя на сюжетную картинку из жизни любящей хозяйки и её собачки, и пришлось мне все-таки вернуться к компьютеру и призвать вдохновение...

Потом ещё несколько раз встречала я эту парочку – сухонькую пожилую женщину и её любимицу – упитанную таксу. Неизменно такса вышагивала самостоятельно, без поводка, чуть впереди хозяйки, а сама хозяйка тихонько шла за собачкой, куда бы та её ни вела.

Прошёл год. И вот я снова здесь, в этом городке, и снова – в этой съёмной квартире на втором этаже. По-прежнему в окна мне смотрит кучерявая листва берёзы, по-прежнему во дворе зеленеет трава-мурава, какую уже не встретишь во дворах мегаполиса, и по-прежнему я мучаю компьютер в поисках вдохновения – ведь приезжаю я сюда именно за вдохновением – вдали от города большого, вдали, как говорится, от суеты его...

Ох, и люб же мне он, этот городок! Тихий, зелёный, наполненный лёгким дыханием листвы и речной свежести. Спокойные лица горожан, приветливые дети и молодёжь, здоровающиеся с тобой при встрече, хотя видят тебя впервые, воспитанные мужички (даже если навеселе) – всегда пропустят тебя вперёд и дверь перед тобой откроют (фантастика!), женщины – тоже не будут пытаться пройти вместе с тобой

в одну дверь или, как бы не видя тебя – ничуть не посторо-
нятся на узкой дворовой дорожке. Красота соборов и церк-
вей, прелесть излучины тысячелетней (как минимум!) – ре-
ки, простота шестидесятилетних, а то и – семидесятилетних
ухоженных частных домиков в тени яблонь и груш. И глав-
ное (лично для меня) – ни собак тебе голодных бродячих
в парке поблизости от твоего дома, ни вереницы собачников
с собаками три раза в день в любую погоду и в любое время
года под твоим окном в сторону того же парка, ни задран-
ных собачьих лап на клён – тоже прямо под твоим окном –
в желании пометить, якобы свою территорию, ни присевших
по большой нужде домашних питомцев с трепетно взираю-
щими на них хозяевами и хозяйками, когда же питомец об-
легчится – тоже, кстати, прямо под твоими окнами! Здесь,
в этом небольшом городке, редко где можно было встретить
одинокو выгуливающих своих небольших собачек собачни-
ков.

И ещё – в свой первый приезд сын окрестил этот спокой-
ный городок столицей Котов. Их здесь везде полно! И все
они гладкие и ухоженные. И главное – ленивые и вальяжные.
Кошка может лениво распластаться на капоте чьей-то маши-
ны и дремать, ухом не ведя в отношении прохожих. Или раз-
валиться на скамейке под солнышком, подставив своё пу-
зо его жарким лучам, и так, в блаженном забытии, оставать-
ся часами, а отдыхающие будут очень осторожно присажива-
ться рядом, умильно улыбаясь такой домашности картины

и замирать рядом, только бы не спугнуть кошку и хотя бы чуть-чуть вкусить от неё умиротворенности. И, повторюсь, какой-то невероятный покой в городке, наверное, тоже – и, в связи с этим кошачьим царством – чувствуется.

И лето в этом году удалось! Не то что в прошлый мой приезд. Погода прекрасная день за днём, «без перерыва на обед». Жара даже иногда начинает утомлять. Но есть же речка! И озеро! Вот где красота для отдыха тела! Вода в речке прозрачная-прозрачная, а в озере – холодная-холодная – студенец называется. Разморишься на солнышке и горячем песочке – шашь в воду! и блаженство тебе обеспечено. Поначалу, конечно, вздрогнешь от холода водного, зато потом, если сразу из воды не выскочишь на берег, таким теплом, даже жаром, можно прямо сказать, каждая клеточка тела наполняется, что плывешь ты, как разогретый изнутри уют (фигурально выражаясь), и жаром так и пышешь вовне! Можете не верить, но вот чистую правду вам говорю – ну, по моим ощущениям, конечно. Однако я же о себе и излагаю.

В такую погоду, конечно, много не напишешь: для этого есть пасмурные дни. А в солнечный – дома не усидеть.

И вот бросив писанину в очередной раз, не обращая внимания на призывы совести писателя, которому надо для свежести мастерства (судя по рекомендациям мастеров литературы), не менее сорока тысяч печатных знаков в день кропать – это с пробелами, без пробелов чуть меньше – я собралась на пляж. И пошла.

И получила там то самое наслаждение, которое вот только что чуть выше вам описала.

Потом в обратный путь, к дому, собралась. Идти надо немного через городок, по улицам, мимо магазинов всяких и ларьков. Так уж тут озеро и пляж речной расположены.

Ну, собралась, рюкзачок за спину забросила и, не отпуская от себя далеко своё блаженство от полной разморенности после пляжа (так обычно, после бани хорошей с парилочкой себя чувствуешь), плавно побрела домой вдоль этих самых магазинов.

...Так. Как же мне сейчас позаковыристей описать свой стресс?

Ну, вы уже поняли, что я вся разморённая, разнеженная, плыву, фигурально выражаясь, вдоль витрин и дверей магазинов, предвкушая уже прохладу комнат в квартире, вазу с холодными (из холодильника, хотя так не рекомендуют врачи) фруктами, пузырящейся в хрустальном бокале минералкой и томной тихой музычкой из чувствительных колонок.

И вдруг!

На меня с визгливым лаем набросилась черная кривоногая такса! Откуда она выскочила, я даже не успела заметить.

А та, видя, что я испугалась, сильнее наскакивать начала, ближе к сандалиям моим подбирается, и вижу, по глазам её вижу – не шутит! Глазёнки маленькие, жёлтенькие, злобой так и расстреливают! Хвост – обрубочек толстенький – вверх

пружинисто так, по-боевому поставила, лапками кривенькими, (от природы), переступает, и прёт, извините, на меня как танк!

Кругом оглянулась я – никого. Жара же – кто из дома сейчас по магазинам пойдёт? И вижу тут, чуть пробежать – впереди дверь магазинчика одного открыта – проветривается, значит.

«Ну, – думаю, – только там моё спасение. Заскочу в магазинчик и дверь прикрою. А там продавец дальше с собакой этой злобной справиться поможет».

Подумала так и сиганула в дверь спасительную. Дернула, закрыть хотела, а она, эта дверь, оказывается, на верёвке к колышку на улице привязана от сквозняка – не закрывается. Потому впрыгнуть-то в магазинчик я впрыгнула, а дверь – настежь. Но всё равно – какое-никакое спасение – в магазин-то пёс, думаю, не полезет!

Напрасно я так подумала...

– Бася, фу! – раздался женский голос из-за прилавка.

Я ведь с улицы солнечной заскочила, впотьмах ничего не разглядеть. И тут этот голос. Но я не на голос смотрю, а к двери оборачиваюсь, а там... такса в магазин вслед за мной заскакивает, исходя злобным лаем! Я к стенке с чипсами прижалась и замерла – бежать уже некуда дальше. В сумраке помещения вижу силуэт – за прилавком женщина стоит, на меня смотрит и, кажется, улыбается, а такса в этот момент пару раз злобно будто чихнула, гавкнула, и, заворчав,

у выхода из магазинчика и уселась, то есть – не выпущу, говорит.

Зрение прояснилось моё, смотрю, женщина-продавец что-то успокаивающее – по её жестикуляции и мимике видно – мне говорит, а у меня уши заложило от пережитого. Смешно вам это слышать, но вот если бы вы в таком блаженном состоянии ума и тела находились, как я перед нападением собачки, тоже, небось, от внезапного перепада эмоциональной кривой сверху вниз, оторопели бы.

– Не бойтесь вы его. Ничего он вам не сделает. Это он так магазин сторожит – всех прохожих облаивает.

Это я уже слышу.

Женщина – точно, улыбается – ей смешно. Такса, злобно глазками сверкая, пристально за мной наблюдает. Я не знаю, что делать. Боюсь пошевелиться.

...Придётся мне всё-таки вам некую историю рассказать дополнительно, чтобы вы совсем меня уже за сумасшедшую не держали – собачку маленькую испугалась, ха-ха. Это вам «ха-ха». А у меня случай такой был. И не один.

Первый в детстве раннем приключился.

Тогда мне было лет пять, и дружила я с девочкой из соседнего двора. У неё собачка совсем махонькая была – какой породы, не помню. Ну, совсем махонькая. Пушистенькая такая. Забавная. Играла с нами в догонялки и просто вместе с нами с радостным лаем по двору носилась. Конечно, я её не боялась. И так было до тех пор, пока один раз я ни реши-

ла ей конфетку дать. Что бы вы думали та махонькая, забавная сделала? За руку меня кусила. И прилично так кусила – до сих пор на кисти у меня шрамик в два сантиметра белеет. И чуть-чуть – и вену бы мне вспорола зубками своими махонькими.

Вот такой случай.

После этого инцидента собак *вообще* я бояться не стала. Только одну эту собачонку. Больше с ней не играла и не бегала по двору. Скучнее стало, зато безопасней. И мама мне строго-настрого наказала к собачке этой не приближаться.

– Если та к тебе подскочит – стань и стой, не шевелись пока она не отскочит.

Так вот и гуляла я во дворе с тех пор...

Это вот первый случай. С годами забылся, только шрамик остался, напоминал.

Повзрослела, собак не боялась, любила даже, умилялась на маленьких, уважала больших.

Теперь о втором – судьбоносном случае.

Тогда мне было уже... короче – много лет. Взрослая совсем, даже умудрённая. В возрасте, словом.

И была у меня подруга славная, старинная. Жила она в огромной квартире в центре Петербурга, в квартире с высокими лепными потолками, с позолотой на лепнине и т. д. И держала у себя щенка. Кавказца. Маленького такого, пушистенького. Совсем игрушечного. Этот щенок часто сидел у неё на коленях, любил покусывать ей руку (зубки то-

чил, видимо, для... ну ладно, сами дальше поймёте для чего), и смешно жмурил чистые непорочные глазки, когда собирался подремать.

Этого кавказчика любила и я. А почему не любить? Ведь чистой воды игрушка пушистая. И он ко мне тоже симпатией пылал. Играл со мной, по квартире большой за мной гонялся – веселились мы так.

И вот настал тот день... Подруга собиралась встречать гостей и ей понадобилась моя помощь: салатов накрошить, мясца порезать, картошечку почистить. Как обычно перед гостями. Я пришла ей помочь.

Кухня у неё тоже – огромная, столы мраморными (экологичными вечными) плитами выложены, шкафчиков дубовых с ящичками всякими – целая стена по стене.

Ну и стоим мы с ней – она у раковины фаянсовой – овощи моет, я рядом – на доске мраморной эти овощи режу. Тут же вокруг нас кавказец этот игрушечный прыгает – покусовничать чего-нибудь всем своим видом наивным выпрашивает. Сжалилась я над ним, наконец.

– Танька, – говорю, – дам я ему колбаски, пусть пожует. А то ведь готовить не даст.

– Ну, дай немного, – Танька мне отвечает, – только немного. А то снова от диатеза чесаться начнёт.

Я ящичек начала открывать, чтобы колбаску достать, и ему, игрушечному нашему, от жалости дать. А он тут вдруг как подпрыгнет вверх (ведь сам-то ещё совсем махонький),

и как цапнет меня за руку! Тут же кровь пошла – видите, зубки не зря он подтачивал! Не зубки уже, а клыки отрастил, пока мы его за игрушечного держали.

Танька, подруга моя, глаза выпучила и ртом воздух хватает. А кавказчик наш милый, смотрю, снова на изготовку встаёт, снова, стало быть, к прыжку готовится.

Я обомлела вся: кровь идёт из раны, Танька глаза молча пучит на меня, собачка к прыжку готовится. И всё, главное, молчком. И глаза у неё простые такие, беззлобные совсем. Но острые и пристальные – то есть, не шутит она.

И вот, друзья мои, после этого случая я перестала доверять маленьким, миленьким, пушистеньким, безобидненьким. Кстати, и от клыков этого доброго щенка у меня шрам на руке остался. Долго рана не заживала...

А теперь вернёмся в жаркий летний день в провинциальном городке.

Итак, я шла с пляжа... Дубль два!

– Не бойтесь вы его. Ничего он вам не сделает. Это он так магазин сторожит – всех прохожих облаивает.

Это я уже слышу.

Женщина улыбается – ей смешно. Такса, злобно глазками сверкая, пристально за мной наблюдает. Я не знаю, что делать. Боюсь пошевелиться. И тут до меня доходить начинается, что это имя – Бася – я уже слышала когда-то... Да! В прошлом году! Под деревом, в дождь, упитанная такса сидела, философски глядя на мир, а хозяйка упрашивала *Басю* идти

ДОМОЙ.

Я внимательнее всмотрелась в сидящую у порога неподвижную фигуру... Нет, ничем эта злобная собачка не напоминала ту умиротворённую и расслабленную. Прошлогоднюю. Головка, правда, такая же, изящная, шерсть тоже – гладкая чёрная, хвостик-обрубочек вроде тот же – плотненький. Ножки коротенькие кривенькие (от природы!) чуть в стороны разведены, как у балерины... Всё так. Но где же пузико? Где упитанность? Где вальяжность, умиротворённость, беззлобность и... внутренний покой её – где!

– Бася, – сказала я. – Тебе не стыдно так себя со мной вести? Ведь мы же соседи. Не помнишь, что ли, как во дворе в прошлом году встречались, и ты, Бася, ни разу не залаяла на меня, и вообще – ни на кого! Что же получается – соседской дружбе конец?

При первых же звуках моего пристыжающего её голоса и произнесённом её собачьем имени, такса как будто осела, обмякла, и на её морде отразилась растерянность. Воинственно-натянутая поза перешла в просто сидение у порога, а в глазах мелькнула мысль, и собачка неловко сморгнула.

– Так вы знакомы? – услышала я голос продавщицы. – Вот так-та-а-к. Бася, что же ты так опростоволосился?

– Так это он, а не она? – Я совсем уже заинтересованно взглянула на собачку. – А я думала – это она.

– Нет, Бася – он!

– А почему он такой уже не толстый? Где его солидный

животик? Забегался, прохожих гоняя?

Продавщица засмеялась. Мне тоже стало смешно и легко, и особенно оттого, что псина явно был обескуражен моим тоном, обращённым к нему, и нашей мирной беседой с хозяйкой. Умными глазами следил он за нами обеими, слушал и всё понимал – он понимал, что речь идёт о нём. И старался понять – в положительном ключе или отрицательном. А поскольку последний мой вопрос о прохожих был адресован непосредственно ему, пёс сник, наклонил голову и скромно замер.

– Вот, значит, как, Бася. Работой занялся – людей пугаешь. Не стыдно? Ай-яй. А я тебя держала за умную собаку.

На наших глазах с такой произошла метаморфоза: Бася неуверенно поднял заднюю часть своего тела с пола и, чуть наклонив головку, виновато, несколько скосив маленькие глазки, посмотрел на меня. Потом быстренько засеменял в сторону прилавка, у которого стояла продавщица, залез под него и... затих. Словно и не было его тут.

– Застыдили вы его совсем, – деланно сокрушённо показала головой продавщица. – Первый раз такое за ним наблюдаю. Обычно ну очень уверенно себя держит, – и она лукаво улыбнулась. Обращаясь к собаке под прилавок, добавила:

– Вот теперь сиди тут и стыдись.

Я отлепилась, наконец, от полки с чипсами. Мы разговорились.

Оказалось, что прежняя хозяйка Баси, та самая сухонькая

пожилая женщина, продала по весне квартиру и уехала к дочери в Германию. Ей было жалко таскать Басю по врачам, делать ему прививки, получать всякие справки на него, чтобы вывезти за границу, трясти в автобусах и поездах с пересадками, и она оставила пса новой владелице квартиры. Этой самой продавщице, которая недавно приехала в этот городок и в тот момент снимала жильё.

— А мне некогда его специально выгуливать — целыми днями на работе. Вот и беру его с собой. Он поначалу тихий был, под прилавком сидел — привык, видно, спокойный образ жизни с пожилым человеком вести. Но я его не стала удерживать, когда он понемногу из магазина самостоятельно начал выходить. Потом повадился сам по себе бегать. Потом услышала, как одного прохожего облаял возле магазина, потом — другого. Видимо, решил, что магазин — его собственность, которую охранять надо. Кто его знает уже — не бояться...

Она замолчала.

— А я вот испугалась. Сколько же ему лет? Старенький уже, наверно, в прошлом году еле ножки переставлял.

— Да что Вы! Нет-нет! — ему только четыре года, совсем он молодой ещё.

— Надо же! А я думала...

Так поговорили мы о Басе, о погоде, о...

— Надо идти. И вам работать надо.

— Какая сегодня работа? Все на пляже сидят. Я тоже через

полчаса домой пойду, а потом, как все – на пляж.

– Хорошо. Ещё увидимся – городок маленький. Бася, до свидания, – обратилась я к прилавку, под которым всё так же тихо сидел пёс. Оттуда не донеслось ни звука.

Я вышла на солнцепёк...

Как я сказала, городок тот небольшой, почти все друг друга знают. Разгуляться негде, кроме как вдоль медленной речки и по самому городку. Потому не раз, и не два, возвращаясь с берега озера, встречала я потом Басю, или бредущим в тенёчке под деревьями вдоль улицы магазинов, или воинственно облаивающим проходящих мимо людей: пёс всё так же свято охранял магазин, громко и сердито гавкая на прохожих, и даже на тех из них, которые всё-таки заходили туда, зная уже больше показушный, чем истинный характер гавканья «злобного» сторожа.

И только меня Бася пропускал мимо, не издав ни звука. Больше того – он явно сторонился меня и усердно делал вид, что меня не замечает. Я хорошо понимала пса: как иначе он мог объяснить себе, что именно эту женщину он не облаивает – где же мой профессионализм? – в такие минуты наверняка думал он. А может, и вправду стыдился. Потому и деланно игнорировал. Ещё издали, завидев меня, он, чтобы уж совсем себя, видимо, не обесценивать, не поворачивал сразу назад и не переходил на другую сторону улицы. Нет. Он приостанавливал своё движение к цели, то есть к идущему навстречу ему прохожему (в данном случае – ко мне), накло-

нял свою умную маленькую головку, начинал слегка прихрамывать, и изображая усталость и полное равнодушие, раз-
вернувшись, скрывался за открытой дверью магазинчика. Я
заходила туда, чтобы поболтать с Зиной, как звали мою но-
вую знакомую и новую хозяйку Баси, но таксы уже не было
видно: Зина хитро подмигивала мне, кивая головой на при-
лавок, мол, под прилавком спрятался Бася. И я делала вид,
что тоже его не заметила на улице и понятия не имею, где он
находится в данный момент.

Но вот пришло время уезжать. За мной приехал сын, и мы
решили перед отъездом пройти по этому милому городку,
по набережной, вдоль реки. Я рассказала ему о Басе, его ис-
торию, историю наших с ним взаимоотношений. Размышляя
над всем этим вслух, я вдруг ясно поняла, что такое для со-
баки – хозяин.

– Ты только подумай, сынок, вот говорят, что собака са-
ма выбирает себе хозяина, нутром чувствуя близкого чело-
века. А в Басиной истории наоборот – ведь он не выбирал се-
бе хозяином Зину. Но, как видно, характер хозяйки, её воз-
раст, отношение к жизни и занятие сыграли для него оче-
видно значимую роль. Настолько значимую, что меньше чем
за полгода он изменился не только внешне, но и характер
свой поменял. Вот что значит, какой хозяин – для собаки!

Сын согласно покачал головой и предложил:

– А давай купим Басе подарок на прощанье. Пусть он пе-
рестанет тебя стыдиться. Пусть он увидит, что ты его уже

простила. Может, и к другим людям добрее станет – вспомнит свою прежнюю хозяйку, откажется от службы злого сторожа.

– Подарок собаке? Хорошая идея, я и сама уже об этом подумала. Но что я могу ему подарить? Не ошейник же «антилай»? Ещё больше на меня обидится...

– А мы только что мимо зоомагазина прошли. Давай вернёмся. Там нам подскажут.

И мы повернули к магазину.

На его полках чего только не было! Резиновые мячики, пищалки, кормушки, поилки, поводки, ошейники и... кости. Маленькие – в пакетиках россыпью, средние – по пару штук в обёртке, большие, даже масла – по одному в красивой упаковке. Конечно, я решила, что кости не настоящие – не съедобные. Хотя выглядели они очень натурально. Думала – просто муляжи. Но продавец объяснил, что их можно собакам грызть – как еду. Просто они долгоиграющие – не сразу сгрызаются.

– Такие кости – самое любимое лакомство для любой собаки. Возьмите, не пожалеете ни вы, ни ваша собачка.

Мы с сыном переглянулись.

– Нам подарок для таксы нужен. Как вы думаете, косточка вот такая средняя – подойдёт?

– Конечно, я же говорю – такая косточка – лучший подарок для собачки. Только не надо, чтобы она её всё время грызла и сразу всю сгрызть пыталась. И вода нужна собаке

после неё. А так косточка для неё – одно удовольствие.

Место «службы» Баси было совсем недалеко от зоомагазина. Я несла в руках красиво упакованную косточку, предвкушая, как мой дорогой пёс обрадуется подарку. Сын шёл рядом и понимающе улыбался – он вообще считает меня взрослым ребёнком и иногда по этому поводу подшучивает надо мной. И этот момент с косточкой для Баси очень даже как раз подходил для такого подшучивания. Я не обижалась, потому что действительно чувствовала сейчас себя ребёнком в роли сказочного Деда Мороза, несущего радостный подарок другому маленькому существу.

На пороге знакомого мне магазинчика стоял Бася.

Увидев нас, он было раскрыл пасть, сверкнул рыжими глазками и собрался показать, кто здесь хозяин. Но узнал меня и как обычно стушевался. Однако не пошел прятаться под прилавок – ведь рядом со мной шёл незнакомый ему человек – его-то никак нельзя пропустить!

И Бася разразился лаем на сына.

– Бася, – сказала я ему, – посмотри, что *мы* тебе принесли. – И я потрясла красивым свертком. Видимо, до Баси дошёл запах косточки, потому что он чуть замешкался с лаем, взглянув на сверток. Потом затих и присел.

– Вот и молодец! Пойдём, *мы* будем тебя угощать.

Напрасно я старалась акцентировать внимание пса на том, что «*мы* принесли», «*мы* будем угощать». Пес смотрел только на меня и на косточку, а в сторону сына недовольно ко-

сился и всем своим видом показывал, что нечего этому человеку пристраиваться к нашим с ним взаимоотношениям.

Зина вышла из-за прилавка и засмеялась:

– Да-а-а, от косточки он не побежит прятаться. Косточки он лю-юбит! Как вы так точно определили его пристрастия? Я-то его не балую – дороговато. Он за один присест такую может смолотить – и не поперхнётся.

– Что вы, что вы, Зина! Продавец предупредил, чтобы сразу всю не давали ему слямзить. Ещё и водички надо дать попить. Вы уж присмотрите – ему этой косточки должно надолго хватить. Так продавец сказал.

– Хорошо, конечно, присмотрю. Что, я ему разве зла желаю? Только настырный он больно, своевольный.

– Да уж! Это я ещё в прошлом году за ним подметила. Ну что, Бася, принимай подарок!

С этими словами я аккуратно развернула косточку и чуть приподняла её над головой.

Бася сидел смирно, опять же – плотно устроив попу на линолеуме изящно расположив лапки в своей привычной балеринской позе, и ничуть не выдавая своего нетерпения. Только пристально глядел на... не на меня, конечно – на косточку! Выглядел он в этот момент интеллигентно: никакой желудочной паники в глазах, чего следовало бы ожидать от собаки, мечтающей получить в своё полное владении косточку, и уж тем более никаких прыжков, виляния хвостом и тому подобных манипуляций для получения желаемого! Теперь

это был тот Бася, которого я увидела год назад под деревом. Это преображение пса меня буквально потрясло – я не выдержала и, не испытывая больше терпение собачки, наклонилась и преподнесла ему косточку. Бася аккуратно взял её в зубы и... – сиганул за открытую дверь на улицу. ЧУХ! – и не стало пса в помещении!

Мы с Зиной и сыном посмотрели друг на друга в недоумении – ожидалось, что Бася, взяв косточку, залезет под прилавок и там начнёт пировать. Мы так смеялись! Его стремительное бегство с косточкой в зубах после прилежного культурного её ожидания выглядело так уморительно! Зина утирала слёзы от смеха, и мы с сыном не могли удержаться от того же! Потом какое-то время мы ещё поговорили с Зиной, ожидая, что Бася вернётся, осознав, что никто косточку отнимать у него не будет, и что она – полностью и безраздельно теперь принадлежит ему. Но – увы. Пёс не появился. Тогда мы попрощались и вышли на улицу.

И кого бы вы думаете там увидели? Да, это был Бася, собственной персоной. Он сидел на газоне перед магазином в привычной для себя позе, держал в зубах подаренную косточку, и вниз, на траву газона, сквозь стиснутые его зубы, тянулась густая струйка слюны. Как только он увидел меня, глаза его вспыхнули весёлым ярко-рыжим светом и сощурились, практически превратившись в дружелюбные щёлочки, уши вздрогнули, и собачка плотно прижала их вдоль головки, словно предлагая меня погладить её, а пасть Баси, не вы-

пускавшая косточку, каким-то немыслимым образом растянулась в улыбку! Он интенсивно застучал хвостиком-обрубочком по траве.

Я остановилась. Переживая новое, неизвестное мне волнение, я зачарованно глядела на новоявленного – благодарного Басю. Новое его преобразование поразило меня. Я совсем не ожидала увидеть эту умную и строгую собачку настолько желающей показать мне свою дружбу и благодарность. И сердце моё непроизвольно дрогнуло. Навстречу Басе. В ответ.

– Мам, смотри, он не грыз косточку! Он всё это время сидел и ждал тебя, чтобы сказать спасибо! Во, даёт!

Пес скосил глаза на сына, и вся его умильная физиономия, вместе с дружелюбно приклеившимися к головке ушами, благодарными глазами и виляющим хвостиком стали другими – глаза посерьёзтели, уши напряглись и встали торчком, улыбку он с физиономии стёр и успокоил хвостик. Бася едва слышно зарычал... и выглядел он сейчас намного старше своего возраста.

– Во, даёт – на этот раз не так громко повторил сын. – Это он только тебе благодарность шлёт, только тебя признаёт.

Бася продолжал порывивать и не спускал глаз с сына.

– Бася, какой же ты умный! Ты кушай, кушай на здоровье! – окончательно растрогалась я.

Пес перевёл взгляд на меня, и в одно мгновение на его морде снова засияла улыбка, уши вновь прижались, и хво-

стик завиллял, приминая травку на газоне. Бася опять помо-
лодел!

– Кушай, кушай, Бася, и будь здоров.

Пёсик, не выпуская косточку, усилил проявление радости и дружелюбия до предела! А мне захотелось ещё немного постоять рядом, посмотреть на него, поговорить с ним, глядя в его умные глаза... но голодная слюнка из его пасти остановила меня – он и так слишком заждался. И тогда мы пома-
хали Басе на прощанье рукой и пошли домой, чтобы начать собирать вещи к отъезду.

Сердце моё всё ещё немного подрагивало от полученных эмоций, и несколько раз я оглядывалась – Бася продолжал сидеть на газоне, провожая меня взглядом, и мне даже показалось – тоже махал мне вслед лапой. В зубах он по-прежнему держал свою косточку... Может быть в этот момент, провожая меня, он вспоминал свою прежнюю, тихую и неспешную жизнь, с той ласковой пожилой женщиной... которую, возможно, напомнила ему я... Будь счастлив, Бася.

10—15 марта 2019

Санкт-Петербург.

Посмеёмся вместе, или Прививка от звёздности

Тучи над моей головой сгущались. Страх усиливался. Сердце колотилось. Тело покрывалось то испариной, то мурашками. Организм трясло.

Я металась по комнате.

То мне казалось, что в ней темно – и я включала весь свет: настенные бра, лампы дневного света над окнами, все рожки люстры под потолком и даже подсветку миниатюрного фонтанчика, стоявшего у ночного столика.

Потом мне начинало казаться, что света слишком много, он слепил меня и вызывал резь в глазах. Я лихорадочно начинала выключать: настенные бра, лампы дневного света над окнами, люстру под потолком и... нет, подсветку фонтанчика я оставляла.

И продолжала метаться по комнате.

А в голове билась только одно – что я наделала?!!! зачем, зачем я согласилась? ой, как стыдно! зачем, ну зачем я всё выложила этой журналистке?! вот уже завтра в интернете появится заметка обо мне, а там... мамочка моя! все-все «явки», «пароли», даты... а этот алкаш! как он меня!.. это же всё в интернет попадёт!!!

Я уже прямо *видела*, как миллионы пользователей интернета разбирают по косточкам моё интервью, потешаясь на-

до мной на своих страничках, и оставляют там комментарии один другого хлеще!

Был третий час ночи.

Заниматься «писательством» я начала очень рано.

Так в интервью все говорят – рисовать, петь, играть на каком-то инструменте, или как я – писать – начали чуть ли ни с пелёнок и всегда знали о своём Призвании быть: художниками, певцами, музыкантами, писателями.

Так говорят все, кому посчастливилось, в конце концов, хотя бы даже только через двадцать, а то и – тридцать лет, стать известными. Но *знали* они с пелёнок и *творили* – с этих же пор!

Они говорят это как-то даже без зазрения совести. Как будто действительно рисовать, петь, играть, писать начали... – именно, видите ли, в этом возрасте у них проснулся талант! Они *уже* знали, *уже* умели!

Это, конечно, не значит, что кто-то из них не был талантливым ребятёнком и даже, возможно, но маловероятно, прямо лёжа в колыбели обладал даром предвидения своей звёздности в будущем.

Но, друзья мои, быть талантливым и стать известным – это всё-таки не одно и то же. Хотя, возможно, некоторые из них и вправду знали. Что станут. У меня у самой даже есть такой замечательный знакомый – он, правда не с пелёнок, но уже

в пятом классе знал, что будет музыкантом и потому легко относился к отсутствию у себя математических способностей. Я сама часто была свидетельницей, как он на грустное замечание нашей старенькой учительницы математики Лидии Ивановны по поводу его очередной не пятёрки и даже не тройки, отвечал, спокойно блестя большими глазами талантливоего человека, что математика ему не нужна, потому как он будет музыкантом. И стал-таки! И прекрасным музыкантом! Привет, Лёвка!

Но есть и другие. Они как раз наоборот – рассказывают, как ничегошеньки о своём призвании не знали, просто с мамой (или – заодно – с подругой, другом) «шли мимо» и зашли, и поступили, и стали вот сейчас знаменитыми. Правда, вот подруга (друг) как раз не поступили и потому сейчас не стали знаменитыми.

Ну да ладно. Всё-таки продолжу – о себе ведь рассказать хотела!

Так вот – заниматься «писательством» я начала довольно рано – как только освоила азбуку и правописание в первом классе. А куда же деться от «писательства», если мама требовала, чтобы я регулярно сочиняла, в хорошем смысле этого слова, конечно, подробные письма всем родственникам, жившим, кто в Ленинграде, кто в Волгограде, кто в Краснодаре, кто в Риге. Здесь, согласитесь, поневоле начнёшь писать!

Все они, эти дядья и тётки, любили меня и очень радова-

лись, что я наконец-то пошла в школу и потому прекращу бессмысленно, как они считали, носиться по разным странствам, прихулиганивать, лазая с мальчишками по деревьям и раскачиваясь на ветках над быстрой речушкой, чтобы испытать себя на смелость, топтать по крышам сараев, изображая казака-разбойника, обрывать незрелые всякие-разные плоды в соседском саду и огороде, и вообще – ничем путным не заниматься, расстраивая тем самым маму – их любимую сестру.

Вы спросите, где в это время моих прихулиганиваний был отец? О-о-о! Это грустная история. Давайте о ней не будем!

Сейчас я хочу рассказать вам о... Итак, «писательством» я занялась рано.

Пока суд да дело, годы шли, подробные письма я писала всё художественнее, чем всё больше восхищала родственников, а в раннем девичестве, классе, эдак седьмом, получив укус любовной пчёлки, начала вести дневник. Ну, чтобы тайны свои сердечные смаковать и пестовать. А как же их можно смаковать и пестовать, открывая рот и вслух произнося сакральные слова: «любовь», «люблю», «страдаю», «ревную» и т. д. Знаю, знаю – многие девчонки обожают об этом посекретничать с подружками. Но это было не для меня! Любить, вздыхать – всё только наедине с собой. Отсюда и стихи пошли. Страдательные. Никому не показывала!

В общем, жизнь продолжалась.

Писала родственникам художественные письма, они про-

должали восхищаться, а я продолжала изливать душу в дневник и хотела стать партийным работником. В партийную школу намеревалась пойти учиться сразу после десятого класса.

Вот так я собиралась стать писательницей.

«Что я наделала! Что я наделала!»

Эта мысль жалила и жалила мой воспалённый мозг.

«Зачем только я согласилась на это? Голова от успеха призрачного закружилась. Вот идиотка! Жила себе спокойно, писала в стол и счастлива была. А тут, пожалуйста к столу славы! Тьфу! Меньше звездиться надо было и к встрече ответственно готовиться. А ведь об этом мне даже и муха в уши не жужжала! Когда не надо – всегда рядом кружит. А здесь – молчала, собака!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.